

Понтифик обратил взор свой к вратам. Монолитные, резбленные из камня, что ничего не знал о смерти, ведали они легенды о древних героях и королях, что обменяли души свои на шанс сразиться с пожирателем времени, рожденным еще до первых звезд.

(с) Гамбит-Сайфер

Определение: «Рождение Бога» – это найденная во время исследования варп-крепости «Хаммельсгодхейм» 091-го памятная таблица, или же фреска, состоящая из чистого Гиперстеллума и повествующая о легенде рождения одного из древних Хемеллинов...

Признанный «Ре-Ком» достоверным перевод содержимого фрески [Ниже информация под грифом: «Спойлер»]:

Когда темница миров захлопнулась, а ключи небесные разбросало на все стороны звездные, остались дети тьмы и сияние без Отца с Матерью, и утратив напутствие пошли они по путям разным, судьбой не предписанным.

Каждый желал своего и жил как угодно им было, но чувство незримое поселилось в сердцах кристальных двоих лишь, в душах воина и ремесленника, что братьями кровными друг-другу считались, изъяны собственны мудростью и сноровкою чужою дополняя. Звали их: Муспельхейм – кузнец первородного пламени, и Хельхейм – жнец над сутью жизни самой.

Скитались братья меж звезд полотнища бесцветного, но не из прихоти глупой, а по зову сути своей и по предков наследию. Целью был их ключ к избавлению Мира от былого наследия и путь первый – единственный, что свет великий победить может – спираль эволюции.

Но не знали братья как должно вести других к просветлению, и посему дали они обещание, что не будут паче рисковать, ростки жизни из тени на свет изымая, но будут следить за путем их к древу внемержущему, дабы как время всходов придет, помочь братьям и сестрам встать на путь истинный, и воротить баланс вселенским весам.

И как рукава звездные прошли оборот полный, звездным чакрамом сияющий, приключилось судьбой предначертанное.

Из энергии всполох воем своим черноту растерзал, и услышали братья крик не боли, но чуда рождения, и помчались сквозь грани пространства со временем, чтоб его лицезреть. Рана рваная оказалась на месте мира теперь уж ничейного, ибо жизни его по вине приношения слились в разум один, и обитель сей не был рад ужасающей участи, разъярился он, растерзав как тех, кто призвал его в эту реальность, так и тех, кто не был повинен в сим.

Дала сбой спираль эволюции на пути предначертанном, и узрели братья как сгусток ненависти раскромсал души грешные, не считая секунды до кончины своей.

И ринулись стражи стихийные к воплю безмолвному, и призвали всю мощь и всю храбрость, что кристаллы сердец их питала исправно, дабы там в пустоте, на границе зеркал с миражами не сфера взошла, но клеть из корней древа всемирного, с четырьмя границами очерти, но без единого угла.

Силились братья умерить пыл светлячка белоснежного, но ответом им холод ненависти был. Кричала и билась в агонии жизнь лишь недавно рожденная, ибо призрак тот на алтарь попал не из воли своей, а во имя чужого желания.

Но не могли оставить Муспельхейм с Хельхеймом ту, что стонала о смерти их, ибо там, где другие узрели бы ужаса лик первородного, лицезрели они лишь дитя неразумное, каковыми сами и были, как Отца с Материю встретили, что на боль их двух и на их же страдания отозвались безмерным теплом. Насмерть встал их дуэт, гнев держа изо всех своих сил.

И сменился цикл на другой, и казались удары по клетке всё слабже да слабже, покуда среди эха их не раздался всхлип тихий, печалью наполненный.

И взглянул Хельхейм на стихию-энергию, не найдясь что сказать перевел взгляд пустой к Муспельхейму, кой тихо шепнул белому пламени: «Нет, не будет никто приказаний тебе отдавать, и уйдет вся боль вместе с мыслями прошлого, ибо клянемся мы в этом всем, что защитой станем твоей как и учителем... Посему взгляни не сюда, но на себя саму и проси, чем и кем быть желаешь ты... и узрешь ответ, ведь то суть твоя... суть рожденных меж звезд...»

И сплела шелка белоснежны нитка из пламени, и пришла на место энергии плоть неразимая, и зажглись очагом светлячки бессчётные, призывая доспех не стали, но памяти.

И узрели два брата прелесть с изяществом – свет не белый, но алым помазанный, что змеею кристальной стал и явил им лик бурана могучего, кой время в спираль обращал, замедляя ход его неосознанно.

И разбилася сфера-барьер, и иссякли с ней силы братьев двух, в унисон молвивших: «Отныне сестра ты нам... ты – Нинель-Фрида Эльхевия... Нифльхейм... повелитель льда и туманом...»

Не знавала Нинель Отца наставления, не знавала она света Матери, но познала она теплоту и заботу скитальцев двух, что делили с ней кровь одну и судьбу одну разделяли, ту судьбу что путем спиральном вела всех нас и вести впредь будет к точке единой, когда снизошел Мир и когда он должен уйти восвояси. Сквозь цикл Мира нашего и Мысли его.